

ОТЗЫВ

официального оппонента
на диссертацию Сергея Юрьевича Акишина
«Митрополит Исидор Киевский и всея Руси:
опыт аналитической биографии»,
представленную на соискание ученой степени кандидата богословия.
Специальность – византология.

Изучение международной церковной истории позднего средневековья интенсивно развивается на протяжении уже более двухсот лет, причем, нужно отметить, почти непрерывно, факт, сам по себе достойный того, чтобы его отметить. Даже в тяжелые первые десятилетия советской эпохи в этом направлении были сделаны значительные успехи – достаточно упомянуть второй том «Истории Византии» Ф. И. Успенского или монографию Ф. И. Успенского и В. Н. Бенешевича «Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII-XV веков», вышедшие в 1927 году в Ленинграде, или «Историю Византии» А. А. Васильева, изданную в Петрограде-Ленинграде в 1917-1925 годах. В первых же вышедших послевоенных томах «Византийского временника» появились статьи Б. Т. Горянова о святителе Григории Паламе, З. В. Удальцовой о митр. Виссарионе Никейском, М. А. Заборова о крестовых походах и др. И тем не менее, перспективы дальнейших исследований весьма и весьма значительны.

Историк, изучающий церковные международные отношения часто оказывается в трудном положении, когда «нельзя объять необъятное». Специалисты в истории идей не всегда одинаково хорошо могут сложить мозаику многопланового исторического сюжета, а историки, в центре внимания которых стоят политические выкладки или история быта и хозяйства, редко «снисходят» до изучения биографий отдельных исторических персоналий, хотя иногда именно такой ракурс придает иным сюжетам наибольшую глубину и точность понимания проблематики (как это продемонстрировал в свое время Г. М. Прохоров на материале эпохи Куликовской битвы через образы митрополита Киприана, князя Дмитрия Ивановича, архимандрита Михаила-Митяя и других). Собственно, именно византиноведение стало местом рождения истории через призму истории личности, если вспомнить «просопографические» штудии Джона Мартиндейла и Александра Каждана. Исследование С. Ю. Акишина, посвященное митрополиту Исидору, продолжает именно это направление исследований и, как представляется, очень успешно. Сам автор удачно объяснил необходимость своего труда тем, что «все, что писалось о митрополите Исидоре настолько разнохарактерно и пестро, что невозможно получить единого представления о нем как о личности и определить его место в церковно-политической и интеллектуальной истории» Византии и Руси середины XV века (с. 5).

Не считая нужным пересказывать содержание работы, «пробежусь» по удачным и, на мой взгляд, неудачным сторонам работы. Работа построена по вполне традиционной схеме, с помещением историографического обзора и обзора исторических источников во введении и вынесением обзора литературного творчества митрополита Исидора в отдельную главу. Причина этого «раздвоения» источниковой базы понятна – литературное творчество рассматривается не только (а может и не столько) как исторический источник, но и как плод творчества самого митрополита, дополняя его общеисторический портрет. Трудность заключается, на мой взгляд, в том, чтобы соблюсти тонкий баланс между выстраиванием биографии выдающегося исторического деятеля, исторического контекста и обзора его наследия без крена в ту или иную сторону (т.е. с превалированием самого контекста или анализа источников, который в данном случае играет второстепенное значение), однако и с сохранением достаточной пропорции того и другого компонента. На мой взгляд, в целом задача С. Ю. Акишину удалась, хотя исторического контекста мне лично не хватило.

Примеров можно привести много. Например, диссертант сделал вывод, что обучаясь в Константинополе и оказавшись в кругу доверенных лиц «философа на троне» императора Мануила II Палеолога «будущий киевский митрополит вполне сформировался как человек и ученый, интересующийся как гуманитарными науками, так и естественными» (с. 40). Не означает ли этот факт (который вполне можно считать установленным), что и сам Мануил оказал на Исидора определенное влияние¹? Если ответ на предыдущий вопрос будет положительным, то возникает возможность утверждать, что Исидора готовили к ответственному церковному служению. Предложенный тезис может быть подтвержден целым рядом аналогичных биографий современников, где подготовка к такого рода карьере едва ли не с раннего детства может быть прослежена более определенно. Иными словами, исторический контекст позволил бы сделать куда более далеко идущие выводы, а разрозненные наблюдения и факты могут быть связаны в единое историко-биографическое полотно.

Некоторые проблемы имеют несколько отвлеченный характер. Примером является п.1.1.1, в котором сделана попытка определиться с национальностью Исидора. Перечисление вариантов (порой с довольно странным комментарием) едва ли требует «уравнения их в правах» – византийские источники имеют здесь, очевидно, куда больший авторитет, чем русские². И уж в любом случае никто не называл его «итальянцем» (с. 31): древнерусское слово «латинянин» обозначало какую угодно принадлежность к западу, религиозную, культурную, политическую, но не национальную³.

¹ Монемвасия, в которой родился, провел детство, а затем жил после принятия пострига, в течение всего палеологовского периода находилась под влиянием латинской Европы (Miller W. Monemvasia during the Frankish period 1204–1540, *The Journal of Hellenic Studies*, vol. 27, 1907, p. 229–241). Ср. с. 45 диссертации.

² Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С. 59–60.

³ Чибисов Б. И. Термин «Латиняне» в византийских и древнерусских письменных источниках (до начала XIII в.) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Палеоросия. Альманах [Вып. 1] / Под ред. д.и.н. П. И. Гайденко. СПб.; Казань, 2014. С. 73–75, 86, 94.

Считаю важным вывод Сергея Юрьевича, что встречающееся в исторических трудах вплоть до начала XX века упоминание Фессалоник как родины Исидора стало таковой «случайно: византийской истории известен митрополит Исидор Фессалоникийский, оставивший после себя несколько проповедей на Богородичные праздники. Вероятно, в какой-то момент в старопечатных книгах могла возникнуть путаница и отождествление этих двух исторических личностей» (с. 33). Диссертант отдает должное и вопросу происхождения Исидора, с симпатией относясь к гипотезе о его положении бастарда в клане Палеологов. Думается, что вопрос о знатном происхождении Исидора может быть решен без оговорок, вроде «если же Исидор происходил из незнатного рода, то благодаря образованности и талантам ему удалось достичь определенного статуса, что было возможно в Византии для всякого» (с. 36) – просто по причине того, что в поздней Византии социальные лифты практически не работали⁴. Таким образом, в диссертации прорисовывается образ интеллектуала, готовившегося с молодости к руководящей должности при дворе императора. Принятие пострига сразу после окончания обучения в «императорском и патриаршем» монастыре и скорый переезд в Мистру подтверждают мысль, что Исидора готовили к церковно-государственной службе и каждый его шаг был предписан его «кураторами».

«Пауза» в сведениях о жизни Исидора между восстанием в Мистре и визитом в Константинополь в 1427 году (с. 48) должна быть чем-то заполнена. Можно удовлетвориться замечанием диссертанта, что Исидор все это время «продолжал помогать митрополиту Кириллу исправлять его обязанности на Монеувасийской кафедре, жил в монастыре и исполнял там различные послушания, в том числе и по переписке рукописей, часто посещал Мистру, где, вероятно, общался с Георгием Гемистом Плифоном» (там же), однако следует отметить, что именно к этому времени относятся как два его панегирика императору, которые нужно расценивать как а) несогласие его с восставшими и сохранение верности императору, т.е. оппозиция по отношению к активной части политической элиты Пелопоннеса и б) как стабильное и активное его участие в государственной деятельности. Кроме того, именно к этому периоду относятся его 14 писем, которые, будучи соотнесены с происходившими вокруг событиями, позволили бы наполнить эти годы «паузы» вполне внятным содержанием.

Связывая одни события с другими, нельзя не задаться вопросом о предыстории появления Исидора во главе русской митрополии. После 12 лет более или менее оседлой жизни в Монеувасии переезд в Константинополь (с. 52) должен был иметь под собой веские причины. Учитывая теплые и, судя по письму Исидора в Москву, достаточно близкие отношения с митрополитом Фотием, можно задаться вопросом: не был ли переезд в

⁴ См.: Куц Т. В. Византийские интеллектуалы последней трети XIV – первой половины XV вв.: социокультурное измерение. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2013. С. 21-22; Поляковская М. А. К социальной характеристике поздневизантийского общества: Кавасилы // Византийский временник. М.: Наука, 1999. Т. 58 (83). С. 37-46; и др.

Константинополь связан со смертью Фотия? Учитывая тот факт, что Фотий задолго готовился к смерти, а также, исходя из содержания письма Исидора Фотию, первый знал достаточно хорошо дела последнего⁵, не готовился ли Исидор занять его место? Но прав и С. Ю. Акишин, утверждая, что «императору было выгодно иметь при дворе столь ученого человека, с другой — его талант можно было использовать в каких-либо благих целях для нужд Империи» (с. 53).

Параграф, посвященный поездке Исидора на Базельский собор, в отличие от предшествующих параграфов, носит почти исключительно повествовательный беспроблемный характер. Нельзя сказать, что это правильный подход в просопографическом исследовании. Так, опираясь не только на историографию, но и на источники, нужно дать оценку степени субъективности. Так, сообщения Иоанна Рагузанского носят явно предвзятый по отношению к Исидору характер (с. 62), на что нужно делать скидку и в исследовании. Содержание диссертации на с. 64-65 кратко воспроизводит сказанное выше и потому является лишним (такие места встречаются и далее).

Одной из центральных глав диссертации является глава о периоде жизни Исидора как главы русской митрополии. Диссертант, к сожалению, не смог грамотно описать историко-политическую ситуацию в России. Он неоднократно употребляет разные сочетания слов, чтобы описать территорию, церковным руководителем которой стал Исидор, и чаще всего они оказываются неудачными. Так, несколько раз в диссертации используется выражение «русское государство» (с. 4, 66, 76). Применительно к 1390-1463 годам – это более чем странно, так как на политической карте было более двух десятков княжеств и «народоправств». В сочетании с понятием «Древняя Русь середины XV века» (с. 5) или Россия (под которой подразумевается Московское княжество, с. 109), тоже не особенно удачными, оно выглядит особенно странно. Именно поэтому хорошо было бы использовать упомянутые в сноске 3 второй главы книги А. А. Зимина и А. Я. Шпакова и ряд других для прояснения исторического контекста (книга Шпакова использована широко, Зимина – совсем немного). Именно так, вне контекста и без хронологической последовательности, но с вниманием к ряду деталей рассмотрены поставление в митрополиты Герасима и поездка в Византию епископа Ионы, совпавшие с «происходившими в Москве событиями» (с. 67).

Описание приезда Исидора в Москву выполнено диссертантом очень удачно. А вот история взаимоотношений Исидора с князем Василием Васильевичем была бы представлена куда более плодотворно, если бы Сергей Юрьевич поместил ее в контекст событий в центральных русских княжествах и Новгороде. В связи с этим вызывает огорчение игнорирование диссертантом нескольких исследований, которые могли бы помочь ему в этом⁶.

⁵ Макарий (Веретенников), архим. Митрополиты Древней Руси. М., 2016. С. 585, 589-590.

⁶ Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV-XVI веков. Л.: Наука, 1980; Пападакис А., Мейендорф И., прот. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071-1453 гг. М.: Издательство ПСТГУ, 2010. Не хватает и иных монографических работ прот. И. Мейендорфа.

Следует согласиться с диссертантом, что описывать путешествие Исидора в Италию и обратно во всех подробностях не следует, и здесь, как мне кажется, диссертанту удалось вычленить необходимое, сделав описание динамичным и целесообразным. Замечу лишь, мнения исследователей по ряду сопутствующих вопросов, перечисляемые С. Ю. Акишиным, лучше было бы вписать в свою логику развития событий, а не просто выбирать наиболее приемлемое из них. Не лишним было бы дополнить и литературу, на которой сделано описание путешествия. Так, работу могли бы обогатить работы, касающиеся проблемы хождений⁷, бытования древнерусских памятников, касающихся путешествия во Флоренцию (особенно в связи с тем, что обстоятельства были описаны на основе впечатлений от собора в целом, что заставляет переосмысливать записанное русскими книжниками)⁸. Можно добавить кое-какую современную литературу о Флорентийском соборе⁹.

Параграф 3 второй главы посвящен описанию собора. В нем нет ничего принципиально нового, однако ход собора изложен очень внятно и выделена роль митрополита Исидора. В нем, пожалуй, есть только один момент, который не получил достаточного освещения: «Скорее всего, речи [составленные Исидором] так и не были произнесены» (с. 89). Хотелось бы узнать мнение диссертанта, откуда это известно и почему они не были озвучены. Примерно то же самое можно сказать и о следующем, 4 параграфе.

А вот параграф 1 третьей главы, в которой изложена биография Исидора после отъезда его в Италию, большей частью основана на иностранных источниках и иностранной же литературе (не считая исследования Пирлинга), что заметно повышает ее ценность в глазах

⁷ *Маджеска Дж.* Русско-византийские отношения в 1240-1453 гг.: паломники, дипломаты, купцы // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 358-373; *Малетю Е. И.* Антология хождений русских путешественников, XII-XV века; исследование, тексты, комментарии. М.: Наука, 2005

⁸ *Казакова Н. А.* Хождение во Флоренцию 1437–1440 гг. (Списки и редакции) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 76–95; *Мощинская Н. В.* «Повесть об осьмом соборе» Симеона Суздальского – памятник литературы XV века // Проблемы стиля, метода и направления в изучении и преподавании художественной литературы: Матер. докл. XII конф. МГПИ. М., 1969. С. 59–60; *Мощинская Н. В.* «Хождение» неизвестного суздальца на Ферраро–Флорентийский собор 1436–1440-х годов // Вопросы русской литературы. Ученые Записки МГПИ. М., 1970. Т. 389. С. 87–98; *Мощинская Н. В.* Литературная история «Повести об осьмом Ферраро–Флорентийском соборе» Симеона Суздальского // Вопросы русской литературы. Ученые Записки МГПИ. М., 1971. Т. 455. С. 43–60; *Новикова О. Л.* Формирование и рукописная традиция «Флорентийского цикла» во второй половине XV – первой половине XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 14. М.; СПб: Альянс–Архео, 2010. С. 3–209; *Щербина А. Д.* Литературная история русских сказаний о Флорентийской унии // Летопись историко–филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1902. Вып. 10. С. 7–24; *Кириллин В. М.* «Чужое» в древнерусских сказаниях о Ферраро–Флорентийском соборе // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М.: Институт славяноведения РАН, 2000, № 1. С. 86–94.

⁹ *Ломизе Е. М.* К вопросу об отношениях церкви и государства в Византии в связи с Флорентийской унией (1439 г.) // История. Культура. Этнология. К VII Международному конгрессу по изучению Юго–Восточной Европы. М.: Институт славяноведения РАН, 1994. С. 21–37; *Blanchet M.–H.* L'Union de Florence après la chute de Constantinople: la profession de foi de Léon le nomophylax et de Macaire de Nicomédie (1462/1464), *Revue des études byzantines*, t. 67, Paris, 2009, p. 59–75; *Blanchet M.–H.* Georges–Gennadios Scholarios (vers 1400–vers 1472). Un intellectuel orthodoxe face à la disparition de l'Empire byzantine, *Revue des études byzantines*, t. 67, Paris, 2009, p. 235–237; *McManus M. Stuart.* Byzantines in the Florentine polis: Ideology, Statecraft and Ritual during the Council of Florence, *Journal of the Oxford University History Society*, 2009; *Никитина А. В.* Тверское княжество и Ферраро–Флорентийский собор (1439г.) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Палеоросия. Альманах, вып. 8. СПб., 2017. С. 310-317.

русскоязычного читателя. Сам С. Ю. Акишин считает, что о позднем периоде жизни Исидора писали очень мало «исключительно по той причине, что их авторы опираются главным образом на русские источники» (с. 9). Поскольку в центре внимания диссертанта находятся действия кардинала Исидора, остальные действующие фигуры как бы «выплывают из исторического тумана» и туда же уходят, оставаясь почти без характеристик и не создавая того объемного исторического контекста, который позволил бы воссоздать характер и особенности личности Исидора. Однако как история деятельности бывшего русского митрополита, ставшего кардиналом, диссертация представляет собой ценное обобщение имеющихся в науке сведений.

Параграф 2 является компиляцией известных русским читателям сведений об обороне Константинополя и участии в нем Исидора, но эта тема настолько интенсивно изучалась на протяжении последнего столетия (с учетом того, что на русский переведено и одно из лучших исторических сочинений на эту тему – С. Рансимена), что трудно ждать от диссертанта большего. А вот 3 параграф – реконструкция событий, позволивших Исидору избежать гибели и турецкого плена – представляет собой один из очевидных научных успехов. До сих пор в русской исторической науке этот эпизод был известен более чем схематично и интерпретировался историками как угодно вольно. Теперь в нем наступила значительная ясность.

В 4 параграфе автор возобновляет хронологическое конспективное изложение. Местами отсутствие исторического контекста приводит к существенной недосказанности, например: «Однако никакого крестового похода в то время [после возвращения Исидора в Италию – КК] так и не получилось организовать, потому как к нему западные государства готовы не были, да и, видимо, развязывать войну с турками не было ни у кого никакого желания» (с. 138). Если не принимать во внимание реалии международной обстановки – во Франции заканчивалась Столетняя война (впереди была еще битва при Кастильоне); Священную Римскую империю накрыл очередной феодальный кризис; Кастилия была погружена в смуту, вызванную слабостью короля Хуана II и недовольством со стороны знати действиями всесильного фаворита Альваро де Луна; на севере Италии заканчивалась очередная война между Миланом и Флоренцией с одной стороны и Венецией и Неаполем с другой – то может показаться, что угроза захвата Европы турками, столь убедительно и живо представленная Исидором в письмах и рассказах, не впечатлила европейских политиков, что они не поняли значения захвата Константинополя Мехметом II. Однако это не так. Желание воевать с турками у европейских государей, особенно тех, кто находился ближе к Балканам, было, и еще какое. Но истраченные к маю 1453 года военные силы и политические ресурсы было не восстановить, кроме того, нужно было решить свои внутренние проблемы, чтобы решаться на войну на востоке. Именно поэтому призывы Исидора возымели действие. Так, в Северной Италии спешно был заключен Лодийский мир, а император Священной Римской империи признал Австрийского герцога эрцгерцогом, чтобы повышение статуса заставило его усилить оборону на южном направлении. Так что без

исторического контекста подобные высказывания выглядят не столько голословно, сколько исторически неверно. Но и в этой главе местами, где С. Ю. Акишин использовал переписку митр. Исидора для реконструкции его биографии, диссертация приобретает значительную ценность.

Особый интерес представляет последняя глава диссертации – обзор письменного наследия Исидора. Подобного обзора в науке до сих пор не было. Сергей Юрьевич суммирует также мнения ученых касательно адресатов, времени и обстоятельств их создания и содержания. Распределение этих сведений по трем предшествующим главам диссертации позволило бы восполнить местами недостаток сведений о жизнедеятельности Исидора, однако помещение их в отдельный раздел диссертации понятно и может быть вполне принято. В качестве замечания приведу лишь незначительную придирку к наименованию диссертантом одного из языков, на которых писал Исидор. Речь идет о «письмах на древнерусском языке». Язык XV века трудно в полном смысле слова назвать древнерусским не только в силу его отличия от языка домонгольской Руси, когда он был воистину древнерусским, но и по той причине, что письменный язык отличался от разговорного (Исидор пользовался первым из них). После нескольких веков бытования книжный язык (как именует его Б. А. Успенский¹⁰), особенно после второго южнославянского влияния, стал в полном смысле слова церковнославянским. Однако, согласен, сказать, что на этом языке писал Исидор, едва ли корректно. Поэтому думаю, что более удачным было бы назвать его просто «русским», так как для него этот язык был современным, таким же как греческий, итальянский или латынь.

Очень много ценных наблюдений, особенно источниковедческого характера, «спрятано» в сносках. Раскрытие их в тексте (что несомненно приведет к увеличению объема) привело бы значительному обогащению текста диссертации проблемным содержанием. Впрочем, это вопрос стилистики и технически вполне решаем.

К сожалению, досадным, но весьма существенным недостатком работы является весьма заметное стилистическое несовершенство и заметное игнорирование правил пунктуации. Стилистически работа нуждается в серьезной доработке, так как выражения вроде «лишь в последнее время начался, хочется верить и думать, что основательно...», «время... страдало отсутствием...» (с. 3) и многие другие немыслимы, не говоря уже о просто неуклюжих фразах. В научной литературе лучше избегать применения личных местоимений, оставляющих порой несколько «фривольное» впечатление. И едва ли нужно делать анонсы своих собственных дальнейших рассуждений: «В нашем небольшом обзоре мы, начав рассмотрение с первой группы, покажем, как постепенно рос интерес к биографии Исидора и его литературному наследию, а потом скажем несколько слов о работах, касающихся различных сторон деятельности Киевского митрополита-кардинала» (с. 7).

¹⁰ Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002.

После знакомства с диссертацией можно заключить, что она представляет собой фундаментальное исследование просопографического характера (с учетом использования практически не введенных в научный оборот в отечественной науке источников). Работа основана на внушительном объеме изученной литературы (не вся литература из сносок попала в список литературы, и без того большой) и практически на исчерпывающем объеме источников, причем наиболее полном для русской науки. Считаю, что после выполнения тщательной корректуры и изменений содержания по результатам защиты (желательно также – расширения исторического контекста), диссертация должна быть преобразована в монографию и опубликована. По теме диссертации опубликовано 8 публикаций, в том числе 3 из Общецерковного перечня рецензируемых изданий, в которых должны публиковаться результаты исследований соискателей церковных ученых степеней доктора богословия, доктора церковной истории и кандидата богословия (к сожалению, ни одна из указанных публикаций не опубликована в изданиях из перечня ВАК). Положения, выносимые на защиту, не вызывают возражений. Автореферат адекватно отражает содержание диссертации. Замечания, высказанные в отзыве, носят характер пожеланий по улучшению и без того достойного научного труда. Без сомнения, представленное исследование обладает научной новизной и оригинальностью, соответствует требованиям Положения о кандидатских диссертационных советах в Русской Православной Церкви, утвержденного Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом 13 марта 2015 г., а соискатель, С. Ю. Акишин, достоин присуждения ему ученой степени кандидата богословия.

прот. Константин Александрович Костромин,
проректор по научно-богословской работе,
доцент кафедры церковной истории
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви,
кандидат богословия, кандидат исторических наук

прот. К. Костромин

Подпись руки прот. К.А.Костромина заверяю.

Зав. канцелярией О.И.Пономарева

21.08.2018

дата

Пономарева

подпись